

Климова Анна

Рассказы

Для каждого из нас

12+

Анна Климова

Рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Климова А. С.

Рассказы / А. С. Климова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник легких повествований о главном в нас и вокруг нас.

© Климова А. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Однажды я была собакой

Однажды я была собакой.

Это звучит глупо и, быть может, невероятно. Но это так. Не возьму в толк, как это случилось, но я оказалась большой, лохматой и, кажется, вполне дружелюбной дворнягой. За неимением дома я слонялась то тут, то там в поисках косточки или подсохшего куска хлеба.

К своему счастью или несчастью я встречала много людей, которые иногда меня угощали: реже лакомством, чаще тумаками или грубым словом. Так или иначе, мне приходилось о них думать.

«Какая милая собачка!» – восклицали одни.

«Пошла прочь, дикая зверюга!» – оскалившись, прогоняли меня другие.

Тогда я поняла, что люди очень разные.

Когда я впервые вышла на шумную улицу, они казались мне скучными и одинаковыми – все бесконечно бегущие куда-то, потухшие, тревожные и даже злые. Но коротая свое собачье время, я стала вглядываться в их лица. И вдруг обнаружила, что большой и грустный мужчина имеет грустные уголки губ. Полная, ворчливая тетка умеет искренне по-детски смеяться, а белокурая девочка с глуповатой улыбкой иногда поражает глубоким взрослым взглядом. Так мне открылась вторая правда человечества: люди довольно противоречивы и не столь просты, как мне подумалось сначала.

Я стала наблюдать (занятие достойное дворовой псины!). И вдруг обнаружилось, что у людей на все есть причины, их истина ютится в скомканных деталях и не стремится быть обнаруженной.

Большого сильного мужчину все считали бесчувственным, а он, шагая на работу, за мохнатыми усами и пыльной фуражкой прятал комочки своих чистых слез и считал деньги, которых едва хватало на еду для жены и двух «оболтусов». Он беспрестанно курил и ругался, выбирая между сливочным маслом и апельсинами, потому что масло было необходимым, а апельсин был желаемым и символизировал праздник в семье. И покупал, конечно, масло, хотя каждый день обещал принести домой сочных оранжевых фруктов. Я звала его Бедняга Бо, а он звал меня Покоцанной.

Ворчливая тетка живет одна в старом доме на пересечении людьми забытых улиц и лишь изредка смеется, когда ее внуки рассказывают свои причудливые детские выдумки в глухую телефонную трубку. Я слышала, как она хлопает дверью магазина, как ругает соседских мальчишек, как чеканит в аптеке названия лекарств и никогда не благодарит. А еще я слышала тот самый смех. Через окно первого этажа, когда она слушала их вечерами, и на скамейке, когда она в одиночестве вспоминала их небылицы. Я звала ее Марго, а она меня Плешивой.

Белокурую девочку без устали наряжали в кокетливые наряды и хвалили, пока она совсем не потеряла желание быть красивой или хотя бы чуточку привлекательной. Она залазила на свой широкий подоконник и выписывала из любимых книг те самые цепкие слова, которые надеялась однажды сказать и сама кому-то, шептала их и смотрела мне в глаза, а я в ее, мы знали друг друга так хорошо в эти мгновенья. Я звала ее Софи, а она меня Корицей.

Летом мне стало проще. Я поселилась под старой облупленной скамейкой у первого подъезда. В полдень, блаженно потягиваясь, я подставляла свои лохматые бока солнечным лучам и отогревалась за всю суровую снежную зиму. Скоро люди сами стали приходить ко мне. Они садились на лавочку, смотрели мне в глаза и доверяли свои истории, открывая все закоулки души, оголяясь до самых ниточек.

Так я узнала и многих других изломанных и подкошенных обстоятельствами людей. В доме шестьдесят семь жил седой и дурно пахнущих старик. Он бегал за бутылкой каждый день и подолгу сидел на моей скамейке. Молчал почти всегда. Его жена лежала парализованной уже десяток лет, став экспонатом, став из любви обузой, став виной за дурные мысли, став причиной каждодневной бутылки, став извечным вопросом. Так пропали сила и интерес жить.

Была Катрина, девушка с дорогими сумками. Ее отец сидел в тюрьме, а мать, привыкшая к былой роскоши, продолжала лежать дома. Катрина пришивала к своим новым сумкам ярлыки старых, дорогих, переливала дешевые шампуни в дорогие бутылки и покупала себе и матери круассаны. Она очень не хотела слыть бедной, слыть разоренной и терять статус.

Был Джозеф, сын священника, презирающий Бога, отрицающий Бога, страдающий за Бога от отца. Влюбленная в учителя Дарья. Краснеющий врунишка с противоположного дома.

В субботу (я так жду этой субботы) на скамейку садится пожилая женщина в стареньком шелковом платье и вязаной шали с белыми кистями. Не в состоянии идти сама, она опирается на тросточку и медленно переставляет ноги в замысловатых батильонах. Актриса! Она и сейчас остается актрисой, несмотря на старость и одиночество. Забытая зрителем, она продолжает вспоминать монологи и сцены спектаклей. Морщинки у ее глаз разглаживаются, а глаза наполняются светом. Как я люблю эти мгновенья! Поигрывая свисающими кистями шали, я впитываю каждую ноту ее голоса и живу!

Я поняла, что я счастливая собака, ведь я вижу людей настоящими. Людям так нравилось, когда их слушают. Я слушала их всех. Они плакали и смеялись, злились и раскаивались, трепали меня за ухо и завершали: «Спасибо, друг.» А потом уходили.

А я оставалась одна. Ведь я была собака.

Мне нравилось ей быть, потому что люди открывали мне самое сокровенное, и мне не нравилось ей быть, потому что я ничего не могла дать им взамен и лишь тихо скулила, когда на двор, на подъезд и облупленную скамейку опускалась темнота.

И я заметила, что люди не говорят друг с другом. Но почему? Почему они приносят все самое важное мне – собаке, а ложь и маски оставляют друг другу? Было ли так всегда или они стали такими? Забитый ли зверь внутри каждого или сильный воин? Я вижу их, я знаю их боль и тревоги, и что есть счастье для каждого, но зачем мне это? Я хочу сказать им столь много, столь громко, но не могу. А они могут сказать друг другу все самое нужное, но не говорят ничего.

Люди оказались интересными, но очень несчастными. Они были друг у друга и не замечали этого.

А у меня есть двор. Луна. И облупленная скамейка. Я так хотела научить их говорить, дать им общий язык, дать свободу их предрассудкам и желаниям, и сделать их ближе, немного ближе. С этими мыслями, свернувшись калачиком, я мирно заснула.

А проснулась уже человеком.

Вы можете отрицать, что я была собакой и даже назвать меня сумасшедшей. Но я советую вам попробовать и побывать ей хотя бы разок.

Быть может, это что-то изменит в вас.

Морские пленники.

«*Море.*»

–Море? А что в нем такого? – неосторожно обронила Энни.

Глаза Брайана вспыхнули.

–Боже,да ты что,издеваешься?

–Красиво,приятно...Но твоего щенячьего восторга мне не понять.

– Это потому что ты смотришь на него поверхностно!!

– Неужели мы будем ругаться из-за огромной соленой лужи?

– Огромной соленой лужи...? Ты глупая,Энни!!

–Ну а что же ты в нем видишь?

–Источник вдохновения,например...

–Я не рисую,не пою. Зачем мне вдохновение?!

–ЭН-НИ,боже, вдохновение нужно не только тем,кто рисует и поет!

–Скажи еще,что КАЖДОМУ,КТО ЖИВЕТ!

«*Воздух.*»

– Энни, как думаешь, если бы мы могли потрогать воздух, то что бы было?

– Нам было бы крайне неудобно. – пробурчала она, склеивая вазу и даже не задумываясь.

–Все самое важное в жизни нематериально. А вот, допустим, я мог бы пощупать любовь, дотронуться до дружбы. Это ведь как погладить воздух. Понимаю, конечно, вещи разные. Ну а все-таки...

–Брайан, подай-ка салфетки...

–И тогда, знаешь, все бы было наглядней. Все бы было проще, да. Сам не знаю, почему я так решил. Но знаешь, что бы я сделал? Вот без лирики, честно! Я бы отдал весь воздух тебе. Чтобы ты дышала, ну или делала с ним что пожелаешь!

–Спасибо, но мне достаточно и салфеток.

– Вот вечно ты так, Энни ,ВЕЧНО!!!

«*Люди.*»

–Вокруг так много людей.

–Почему ты говоришь об этом?

–Но ведь много.

–Разумеется,много,Брайан.

–И у каждого своя жизнь. Свои страхи и свои желания, свои победы и свои поражения. Свой первый шаг и первый поцелуй. И у каждого будет своя смерть.

–Да. И у нас с тобой.

–А ведь если кто-то из нас умрет,всем будет абсолютно все равно.

–Но не второму из нас,верно? – улыбнулась Энни.

– Это уж наверняка. Честно сказать, я привык, что люди вокруг нас выглядят как декорации. Никогда не станешь вдумываться в судьбу каждого. А ведь у каждого есть своя Энни или свой Брайан. Умрет один из них и заберет с собой маленькую вселенную. Страшно это, должно быть.

Она сидела на морском берегу и думала. Думать было так отчаянно больно. Сколько дней она здесь просидела? Сколько еще просидит? Когда происходит нечто подобное, время теряет свою ценность. Перестаешь видеть настоящее. Перестаешь видеть будущее. Спасаясь от реальности, бегая по закоулкам прошлого, то и дело прикусывая губу. Глаза выдавали в ней наличие жизни: голубые и прекрасные, они смотрели на кричащих чаек. Ее одежда слиплась от грязи и соленых брызг. Волосы торчали в разные стороны, безжизненно колыхаясь на ветру.

«*Ветер.*»

–Энни!ЭННИ-И!

–Брайан, что ты кричишь? Я ничего не слышу!

–Ахаха,Энни, опусти платье! Ты слышишь?

– Что? Ветер дует против звука! Я НЕ СЛЫШУ ТЕБЯ.

–Твое платье! Опустить его! Я вижу все, что под ним.

–Простить его? Кого простить,Брайан?

–Ахах, ну ты и дурочка. А знаешь,иди так, мне так даже больше нравится.

–Красавица?? И вовсе она не красавица! Ты в своем уме? Сейчас кину в тебя песком.

«*Песок.*»

–Брайан,ты спишь?

–Ммм?

–Как думаешь, мы друг друга любим?

–Я сплю!

– Ну скажи,скажи!

–Мы с тобой слишком разные. Ты любишь море, а я чеснок. Какая уж тут любовь.

–Я сейчас плюну в тебя честно слово!-Энни рассмеялась.-А ЧТО ЕСЛИ МЫ ПРАВДА ЛЮБИМ? Что если все эти маленькие импульсы, что мы испытываем каждый день, стали частью одного большого чувства? Я думала об этом, когда смотрела на песок. Ты смотрел на песок,Брайан? Его так много. Песок – горная порода из мелких зерен разных минералов. Другими словами, безграничные песчаные пляжи – лишь миллионы маленьких камушков. Может, и у нас так? Посмеялись вчера, потанцевали во вторник, поругались в среду,а завтра не заметим и полюбим друг друга. Что ты думаешь?

– ...

–Брайан,ты что, заснул?

Она рывками проматывала в голове фильм из собственных воспоминаний. Человек не может не стать другим, если в его окна на днях заглянула Смерть. Забирая одну жизнь, она невзначай выдирает куски и из других и уносит их с собой в мертвый мир. У людей много обличий. С ним ты один, с ней – другой, с ними – третий. Умер человек и умер ты. Тот ты,которым ты был рядом с ним. Вы умерли вместе,а остались порознь. Он– там, ты– здесь.

«Извиненья.»

-Брайан,ну не злись, слышишь?

–Я не злюсь.

–...

– Хотя нет, знаешь, я злюсь. Я даже сказал бы, я в ярости. Хотя какое нам дело до меня,когда есть ТЫ. Ты,ты,ты.

–Ой,да перестань, из нас двоих однозначным эгоистом уж точно была не я.

Энни неуверенными движениями мяла в руках какую-то бумажку.

–Ну а сегодня ты всех превзошла,верно? Даже смотреть на тебя не хочется, честно.

Тут же, проворным движением, Энни выскользнула из комнаты.

– А извиниться ты не хочешь,а?

На столике лежал маленький бумажный журавлик. Брайан аккуратно взял его.

« Никогда не умела извиняться. Но ты прости меня. Я даже журавлика тебе сделала.»

Брайан улыбнулся.

Настала ночь. Несмотря на жаркие будни, ночами все же было зябко. Соленый ветер дул ей в лицо, и даже птицы перестали кричать. Неожиданно, сквозь морскую тишину, раздражающим воем она закричала в никуда:

« Знаешь, о чем я думаю? Ты знаешь? Я думаю обо всем сразу и ни о чем одновременно. Ничего ужасней, признаться, я не испытывала. Подобно тому как, накладывая все краски, одну за другой, в результате получается черный гнетущий цвет, воспоминания атаковали мой мозг и породили пугающую черноту. Мне кажется, не найдется слова, произнеся которое, я бы не вспомнила какой-либо эпизод из нашей жизни. Ты думаешь, я жалуюсь,да? Так ты думаешь? Думай, как хочешь, понял? Ты ужасен. Из нас двоих ты выиграл в гонке эгоистов, это уж точно! Так уйти... так уйти... Как мог ты так безрассудно умереть? Зачем ты полез в это море,ну зачем? – Она захлебывалась слезами. – А что я? Ты думаешь, нужны мне моря и океаны без тебя? И вовсе нет. Так бы и кинула в тебя песком!..Однажды ты говорил что-то про возможность дотронуться до неосязаемого. Я все бы сейчас отдала за такую возможность. Ведь,я знаю, ты рядом. Вокруг и во мне. Как думаешь, мы друг друга любим?..Не отвечай. Ты любишь птиц, а я губную помаду. Разве мы можем любить друг друга?Если бы ты был рядом, знаешь, что бы я сделала? Я бы сказала, что ты дурак, и мы бы опять начали ругаться. И никогда бы и ни на что я не променяла эту ругань. Мы с тобой разные. И почему же мне так тебя не хватает? Я как-то спросила, что же такого в море. А теперь ты стал его частью, и оно навсегда стало особенным для меня. Хладнокровное одеяло, забравшее твою жизнь и нашу вселенную. Честное слово,

я буду вечно смотреть в его глубь. Так у меня есть ощущение, что ты меня слышишь. Брайан. Как ты думаешь... мы друг друга любим?..»

Она побрела вдоль пляжа, наступая голыми пятками на сотни белых бумажных журавликов, разбросанных тут и там. Ветер дул несказанно сильно, до неприличия поднимая ее платье.

Когда люди засыпают и растворяются в морях и океанах, знают ли они, что мы растворяемся вместе с ними?

Море внутри

Это был черный город. В каком же это смысле? Разве город может быть черным, красным или каким-либо еще в подобном роде? Однако, этот глубокой мрачности цвет, цвет слепоты, грязи и страха, как нельзя лучше подходит для описания этого места.

Причина этой беды, как и всех бед в общем, таилась в людях: здесь они давно перестали быть людьми, отдавшись целиком и полностью лишь одному идолу – работе. Работа была началом и концом их жизней, ее смыслом, работа бездумная за недалеким пределом, механическая и вечная.

Каждое утро усталые, но настырные упругие тела тащились по идеально гладкой серой широкой дороге в корпорации и офисы. Запахи, вкусы и звуки покинули этот город, осознав свою беспомощность. Лишь иногда веяло пластиком и раздавался однообразный писк рекламных объявлений.

И здесь, по совершенно необъяснимой причине, здесь, среди удручающего противоестественного порядка родилась неправильная девочка. Прежде всего ее имя – оно было совершенно неуместным. Жители города называли друг друга сочетанием букв и цифр, что казалось абсолютно удобным для идентификации, а ее, эту странную девчужку, звали Лия. Три буквы и ни одной цифры, что же это значит? Но и это еще не самая большая беда. Лия грезилась морем. Просторное и непредсказуемое оно составляло главный предмет детских мечт: чаще всего навещало во снах, а после воплощалось в рисунках и рассказах маленькой голубоглазой Лии. Чем же могли объяснить себе столь чудовищное поведение родители девочки?

– Это из-за астмы – говорил отец вечерами, предотвращая волнение матери, заметившей очередной рисунок на полу.

– Да. Она больна – вздыхала та в ответ. – Почему мы? Эта девочка высосет из нас все силы.

«Эта девочка». Ею и останется Лия, реформаторская душа в кольчуге детского тела в сознании своих родителей. Носитель хаоса, страсти и мечты – где же тут ужиться в существующих обстоятельствах?

Но как полезно порой быть молодым, незрелым, ребячливым и несознательным. Вот и Лия в свои робкие восемь лет совсем не замечала контраста с другими детьми, воспитанными и воссозданными по всем канонам, контраста с правильными геометрическими копиями родителей. Что может сделать такой человек? Да все, что угодно.

Морозный январский полдень лезвием полоснул ранее приветливую погоду. В жизни города такие незначительные погодные выходки не имели большого влияния. Однако, в детском восприятии это отличный знак: знак занимательной зимней прогулки.

Зашуршала меховая курточка и пара шустрых ног, и вот уже молодая ведьмочка шагает по сугробам. Одна за другой взрываются снежные сферы, преодолеваются негармонирующие с общей грацией идеальных линий волнообразные ухабы (что поделать, зима – нарушительница порядка). Так, усердной поступью, спешит малышка Лия разрушить чей-то привычный день, распугать всех рыб-клише в чужом сознании. Знает ли она, как громки ее шаги в истории? Слышит ли их эхо?

За одним из поворотов в беспорядочном курсиве движений Лия заметила кучку детей, рисующих что-то вдоль снежной вуали.

–А что это вы делаете? Вы рисуете солнце? – со всей присущей ей непосредственностью звонко спросила она.

–Нет же, глупая. Это круг. – сердито ответил после удивленного шепота один храбрый паренек.

–Ой! А это что? Это, наверное, змея?

Дети возмущенно взглянули на незваную гостью.

–Это – прямая.

–Прямая?

–Что, никогда не слышала? Линия без начала и конца!

–Кто же этого не слышал? – возмутилась Лия.

–Вот и не задавай глупых вопросов! – грубо заключил все тот же паренек, после чего группа демонстративно отвернулась.

–Давайте лучше играть!

–Да о чем она говорит? – прошептала одна кудрявая малютка своей соседке.

–Как играть? – спросила другая.

–Хм... а давайте... Давайте мы будем птицами! Да-да! Большими такими и сильными птицами! А эта поляна... Она будет морем!

–Но ведь это снег. – чуть не плача, в полном замешательстве отчеканила пухленькая девочка.

–Конечно! А мы представим, что море.

–Но что такое «море»? – вдруг крикнула одна рыжая девочка в очках.

–Да, что это? – подхватили остальные ребята, как громом ошарашенные новым понятием.

–Вы что это? Никогда не были на море?

–Не-ет.-хором ответили дети.

Почувствовав свою силу и преимущество, Лия галопом понеслась в пучину собственных фантазий.

–Ууу, как неинтересно...-пристыдила она всех и покачала головой – Оно огромное и синее! Оно даже лучше, чем... чем все, лучше всего сразу, понимаете? В нем можно купаться и собирать ракушки! Оно переливается на солнце и шепчет сказки!

–Синее?

–Лучше всего?

–Ракушки?

–Сказки?

Лавиной обрушились возмущенные вопросы на маленькую выдумщицу. Дети хотели понять каждое слово, ведь они привыкли к довольно простым истинам, что круг – это всегда круг, снег – всегда снег, а тут к их статичному сознанию притянулись руки чужачки, призывающие представить(!) огромное синее море со всеми присущими ему причудами. Но если всю жизнь томились в темнице, то увидев и получив мир к своим ногам, не сразу поймете, куда бежать. С опаской слушали ее небылицы дети.

Как долго страдала пылкая душа, теща себя выдуманным миром, как отчаянно хотела она, чтобы сны стали явью. Зарываясь пятками в рыхлый желтый песок, глотая пропахший водорослями воздух, наслаждаясь ветром, гуляющим в волосах, как могла она не верить себе? Так, ни разу не услышав дивных криков птиц и плеска волн, Лия стала пленницей собственных фантазий и всерьез поверила в этот мир.

–Да-да! Ракушки! И камушки! Самые разные, какие только можно представить! Фиолетовые, голубые, красные и все в твоих ладонях светятся!

–Но там же, наверное, можно утонуть? – уже не очень уверенно прошептала рыжая девочка.

–Ах, не волнуйся об этом! Да, может и можно. Кто же знает, как все могло бы обернуться? Но там на берегу живет дедушка Альфред. Он за всем присматривает. Чтобы море не убежало из берегов, да чтобы дети оставались на виду. Он и меня однажды спас!

Дети, пораженные нахлынувшей информацией, таращили на Лию свои разноцветные глаза. Не в силах поверить, что такая удивительная часть мира осталась сокрытой от них, они позабыли о времени и изучении геометрических фигур и несколько часов изумленно слушали о море, о рыбах, о старике Альфреде и о многом другом.

Наконец, темнота поглотила побелевшие от мороза кончики носов, похожие на светлячков, и дети, с трудом отрываясь от захватывающих историй, побрели домой. А Лия, слепив из снега упругий комочек, засмеялась, что было само по себе удивительным событием шестнадцатого января в городе М, провозглашающем стабильность нрава как абсолютный канон каждого во веки веков.

Итак, начало было положено. Посему, события следующего утра едва ли можно назвать неожиданными. Лишь Лия ступила во двор, как тут же стала центральным объектом вдвое увеличившейся компании пестрых детишек.

–Да! Это та девочка!

–Эй, иди сюда, мы все утро ждем тебя. – в своей угловатой манере, но максимально дружелюбно выкрикнул все тот же храбрец.

Неторопливо, заискивая со своими новыми знакомыми, отвечала Лия номер 42.

–Ну? Чего вам?

–Расскажи нам еще, расскажи, а!

–Про что рассказать? – нарочито выгнув брови в удивленные дуги, вопрошала актриса.

–Про море!

–И про чаек!

–И про Альфреда из старой хижинки! – громче всех зазвенел голос рыжей девчушки.

–А я вот не верю ее сказкам! – чуть ли не с обидой крикнул пухлый мальчик в черных, как смоль, толстых варежках. – Где докозательства?

–Хм, – кивком приняла вызов бесстрашная Лия, – Ты, конечно, можешь не верить. Вот только у Альфреда есть старый желтый журнал на пружинах с трещинками от ветхости. Он отмечает в нем своих гостей. Ему ведь за всем нужно следить, понимаешь? Так вот. Знаешь ли ты, что мое имя там первое? Да-да! Сказать по правде, так мы ним вместе это море и нашли.

–Вот это да...

–Не может быть.

Отовсюду слышались восхищенные возгласы детей, до боли прельщавшие беспощадной рассказчице.

–А сколько ему лет, твоему этому Альфреду? – не унимался пухлый недоверчивый мальчишка.

–Лет сто. А может и двести. А то и вся тысяча, кто же точно скажет? Известно только, что он такой дряхлый, что из его штанин и рубашки то и дело сыпется песок. Я сама видела! Иногда на заре, когда у неба в ходу все краски сразу, а гостей все нет и нет, он медленно шагает в воду и исчезает, бог знает куда. Мне даже кажется, – заговорщицки прошептала Лия, – что он умеет это. Ну, это! Вы поняли?

Мириады вопросительных знаков стайками взлетели из детских глаз.

–Растворятся в воде.

–Ах...

–Не могу поверить...

–Это еще пустяки. Столько всего подвластно его всемогущим рукам, что и не расскажешь сразу.

–Но как попасть туда?

Поразительно банальный вопрос, главный для каждого в компании новоиспеченных слушателей, наконец-то был озвучен, и многим казалось, что тут-то Лия и оступится, не найдясь с подходящим ответом. Но чего чего, а ответов на этот вопрос ей хватало сполна.

–Конечно, не бесплатно.

–Эх...

–Ну вот! – кулаком стукнула рыжая девочка по озябшей древесной коре.

–Но сколько же нужно?

–У Альфреда своя система оплаты. Диковинки.

–Диковинки?

–Ну конечно! Ты что хочешь, чтобы он бесплатно пускал любую заблудшую душу?

–Но у меня нет диковинок...

–Что, ни одной?

Рыжая девочка обреченно и понуро кивнула головой.

–Знаешь, у меня ведь у самой не было ни одной. Но их не так-то трудно сделать! Хотя, конечно, и не легко...

–Ох, я хочу их сделать! Я справлюсь!

–Даже не знаю, – закусила губу Лия.

Но легкая дымка недоумения переросла в плотный шум неугасаемого любопытства и желания во что бы то ни стало создать «диковинки» и попасть на море.

–Нужно с чего-то начать, – твердо сказал упрямый мальчик в черных варежках.

–Пожалуй! – согласилась командирша в дутых ботинках, в душе невероятно счастливая от нахлынувших единомышленников. – Я вам покажу свои и мы что-нибудь придумаем.

–Как нам звать тебя?

–Лия. Просто Лия.

Но в мире, где имя не гамма звуков, дающая человеку элемент образа, не благозвучная радующая язык мелодия, а безлика черед букв и чисел, «Лия» – это много, чересчур много.

–Как это?

–Что же ты удивляешься? Альфред дал мне это морское имя. Не запишет же он в журнал «Эль 42»!

–Я тоже хочу такое красивое название, – заплакала рыжая Би 80.

–Тебе не стоит ронять слезы из-за такой ерунды. Совсем скоро каждый получит имя, соизмеримое с красотой диковинок. Не сдаваться!

После сумбурных и шатких рекомендаций Лии-вершительницы-судеб дети, ни минуты не остужая горящие глаза, прокрались в самые забытые уголки черного города, надеясь отыскать то самое.

Тот вечер сиял и счастливо смеялся над всеми вехами истории города М. «Не сдаваться! Не сдаваться!» – кричалось, шепталось, напевалось и молилось про себя по всем углам в домах, где были дети.

В доме №3 по правой улице кудряшка Ка 65 худыми ножками, своими хрустальными травинками взобралась на кривой табурет цвета стали и тонкими детскими пальцами нарисовала дерево отцовским кремом для обуви. «Выходит, и у дерева есть душа, – прошептала она, выводя ветви на потолок, – легкая, как моя!» А буквально через пару кварталов неуклюжий, нахмуренный, с бровями сапогами Эр 4 разливал воду по двадцати одинаковым чашкам, и капельки проворно отскакивали на его нос и губы. Затем кофейной ложечкой гладким и плавным жестом он прошелся по всем двадцати, воссоздав фальшивую, но серьезную мелодию.

А где-то на другом конце города в глазах огненной Би 80 разгорался пожар чуда. Под одеялом, подальше от каждого свидетеля, от комнаты, злой и пустой и похожей на гроб, где тепло от собственного дыхания, где легче себя понимать, где колется сквозь простынь кровать, здесь, здесь она создаст свое чудо, за которое получит свободу и настоящий мир, где можно дышать, мир с лакомствами и стекающим с подбородка мороженым, мир с шелестом и грохотом, с писками и топотом, с тишиной и рокотом, этот удивительный мир.

Скоро все это будет, вот-вот, только бы чуточку терпения маленьким настырным мышатам.

Странно и неожиданно возникло утро и слипшиеся глаза заморгали, пытаясь разогнать прочь туманы. Куда-то в пургу, в колкие холодки, вышли десятки коротких ножек и зашагали, сокращая дистанцию, разделяющую их с глубоким синим великаном, плюющийся пенными языками волн.

Лия встала раньше всех, раньше каменных взрослых и пластилиновых детей. Не спеша собрала вещи и мысли в общую кучу – день предстоял ответственный. Детские сердца, пыльные и горячие, ищущие иной жизни, пойдут за ней, как за предводительницей. Но прежде нужно тщательно рассмотреть их дары морю, их пропускные «диковинки».

Поспешно выскочила во двор морская странница, напустив самый серьезный вид из всех, что могут существовать в арсенале детей, чьи лица всегда сияют.

Темень, мрак, метель – природе чаще всего плевать на ваши планы – мертвый больной воздух и хруст мятого снега под сапогами. Январь хлестал щеки тех, кто решил этим утром порвать с монотонной реальностью.

Сугроб за сугробом, сминая без усталости зимнее ночное безобразие, Лия вышла в пустой двор. «Что-то будет. Что-то важное.» – звенело в голове.

–Лия! Ты уже здесь! – кричала Би 80, семена и спотыкаясь.

–Я уже давно здесь! – невозмутимо ответила она, еще не отдышавшись. – Все готово?

–Все, что было в моих силах.

–Дождемся остальных.

–Как холодно сегодня! Ресницы в инее!

–А ты только взгляни на свои белые локоны.

–И вправду! Только щеки краснеют.

Девочки замолчали.

–Лия.

–Да?

–Там, на море. Часто холодно?

–Всего два дня в году. На день рождения Альфреда и ровно через полгода. Берега твердеют и скользят.

–Волшебно. – робко прошептала Би 80 и снова смолкла.

Через некоторое время подтянулись и остальные. Встревоженные, красные и белые, с икрами на радужках. Лия достала толстую тетрадь.

–Мы не будем тянуть.

Раз, два, три. Три, четыре. Семь. И так далее. Номера и буквы.

–Кто будет первым? Кто хочет прослыть смельчаком и стоять третьим в журнале?

Но все топтались и рассматривали друг друга – страшно быть первым.

–Что же вы? Би 80, ты будешь первой.

–Но я...

–Ты здесь почти столько же, сколько и я.

Все сделали шаг назад – туда, где безопасно.

–Что у тебя за диковинка?

–Нуу. Кое-что такое.

–Какое?

–Ну, в общем, я кое-как придумала красиво говорить.

–Это как это?

–Я вам покажу.

Дрожа, она развернула листок и стала читать, протягивая гласные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.